

Э. В. СЕВОРТЯН

К ИСТОЧНИКАМ И МЕТОДАМ ПРАТЮРКСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

В последние десятилетия в СССР заметно расширяется круг исследований по истории тюркских языков; практически трудно найти тюркологический коллектив в республиках, где среди ведущихся работ не было бы историко-лингвистических тем. О дальнейшем углублении работ в этой области можно судить по возрастающему интересу тюркологов к разысканиям сравнительно-исторического порядка. В Москве и Ленинграде стали привычными симпозиумы и конференции, посвященные проблемам сравнительно-исторической фонетики и грамматики тюркских языков. Опубликованы первые крупные работы в этой области. Развернулись систематические исследования по сравнительно-исторической морфологии тюркских языков. Понятно поэтому внимание советских тюркологов к публикациям на сравнительно-исторические темы, которые появляются за рубежом. Одна из них — обстоятельная рецензия Г. Дёрфера¹ на книгу А. М. Щербака «Сравнительная фонетика тюркских языков»².

Статья Г. Дёрфера содержит известный круг принципиальных (методологических) и методических вопросов, относящихся к сфере исторической тюркологии. Все эти вопросы, естественно, ориентированы на сравнительно-историческую фонетику, как того требует объект рецензии, но по существу значение поставленных Г. Дёрфером вопросов шире, так как они затрагивают основы тюркологических сравнительно-исторических исследований вообще. Как указывает сам автор, в его рецензии «речь идет... о расхождениях (Gegensätze) методического или во всяком случае весьма общего порядка» (стлб. 326) с автором «Сравнительной фонетики тюркских языков».

В качестве центрального выдвигается принципиальный вопрос о том, можно ли по данным одних лишь современных тюркских языков реконструировать фонетические архетипы слов. «По одним лишь современным тюркским языкам, — отвечает на этот вопрос Г. Дёрфер, — нельзя реконструировать пратюркский язык...» (стлб. 332). Однако же, отмечает автор, метод прямого возведения современных тюркских языков к пратюркскому без промежуточных ступеней «в советской тюркологии широко распространен (ср., например, „Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков“, М., 1955—1962, где этот метод проведен почти сплошь)» (стлб. 334). «Это все одно, — продолжает, автор, — что, строить историческую грамматику русского языка на одних лишь современных русских диалектах без обращения к древнерусскому языку (и древнему церковнославянскому)» (там же).

Отметим сразу, что «Исследования» к рассматриваемому вопросу отношения не имеют, и ссылка Г. Дёрфера на эту работу — плод недоразумения. Дело в том, что в отечественной тюркологии существовало и еще

¹ G. Doerfer, Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre, «Orientalistische Literaturzeitung», 66, 7/8, 1971 (далее цитируется в тексте с указанием стлб.).

² А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970.

сейчас употребляется два термина: сравнительно-исторический (например, сравнительно-историческая грамматика, по-немецки *vergleichende Grammatik*, по-французски *grammaire comparée*) и сравнительный (метод, аспект), имеющий в виду синхронно-сравнительное описание современных тюркских языков или их ареальных групп³. Указанные выше «Исследования» относятся к этому последнему типу работ⁴, хотя местами они не лишены элементов историзма.

Что же касается разысканий исторического и тем более сравнительно-исторического характера, то советская тюркология, как и остальное языкознание, применяет сравнительно-исторический метод и потому при реконструкции исходных фонетических архетипов лексических основ или грамматических форм пользуется с о в о к у п н ы м и показаниями письменных памятников, современных языков и диалектов (говоров), стремясь с их помощью воссоздать всю фонетическую эволюционную цепь в развитии данного слова или грамматической формы. Тот, кто внимательно следит за сравнительно-историческими разысканиями в советской тюркологии, легко найдет целый ряд подтверждений сказанному.

Каково фактическое положение с источниками в исторической тюркологии? В отношении письменных памятников тюркские языки находятся в совершенно ином положении, нежели индоевропейские языки с их непрерывной письменной традицией, начиная с эпохи раннего средневековья. Это касается, прежде всего, славянских и германских языков; у других индоевропейских языков, например, у современных романских непосредственные письменные памятники появились позднее, чем у германских, однако они располагают многочисленными и многовековыми памятниками латинского языка, к территориальным диалектам и говорам которого восходят романские языки. Из тюркских языков лишь три — турецкий, азербайджанский и узбекский — располагают непрерывными памятниками, начиная с XIV (возможно, с XIII) в.; отдельные тюркские языки имеют памятники, датируемые не ранее, чем XV—XVI вв.; огромное же большинство тюркских языков документировано не ранее XIX, а в отдельных случаях — XVIII в.

Богатой сокровищницей древнеиндоевропейских языков (санскритскому с его разновидностями, древнеперсидскому, тохарскому, раннедревнегреческому и т. д.) в тюркологии противостоят, хотя и весьма ценные, но в общем немногочисленные и не столь уж ранние (не ранее VI—VII вв. н. э.) древнетюркские памятники, язык(и) которых не имеют прямых связей с современными тюркскими языками⁵. Не выяснены пока также связи языка/языков целого ряда старокыпчакских памятников с современными конкретными кыпчакскими языками.

При таких условиях трудно поверить в то, что «в тюркологии мы находимся в счастливом положении для ведения работ в историческом плане» (стлб. 327).

³ В последние годы термин «сравнительный» иногда заменяют термином «сопоставительный», который, однако, более уместен при межгенеалогических сравнениях. В редких случаях термин «сравнительный» применяется в советской тюркологии в значении «сравнительно-исторический», как это мы видим в названной выше книге А. М. Щербака.

⁴ См. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1 — Фонетика, М., 1955, стр. 7.

⁵ Предположение ученых конца прошлого и начала текущего века (В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, позднее В. Банг и другие) об исторической связи между языком или языками названных памятников и турецким или огузскими языками все еще нуждается в основательных доказательствах. Трудно принять также сближение языка рунических памятников с новоуйгурским (A. v. G a b a i n, *Altürkische Grammatik*, Leipzig, 1950 [далее — Gabain], стр. 2).

В связи со сказанным уместно вспомнить, что еще в начале текущего века П. М. Мелиоранский в строгом соответствии с принципами нефилологического (младограмматического) языкознания второй половины XIX в. сформулировал положение, согласно которому «... главным материалом для исследования истории языка все-таки являются различные писанные источники — рукописи, надписи, монетные легенды и пр.»⁶. Правда, в начале XX в. тюркология располагала лишь несколькими обстоятельными описаниями живых тюркских языков и самыми первыми, ограниченными материалами по тюркской диалектографии, которые не могли играть существенной роли в историко-тюркологических разысканиях.

В настоящее время тюркское языкознание имеет в своем распоряжении обширные и все возрастающие материалы по диалектам и говорам подавляющего большинства тюркских языков, что коренным образом меняет положение вещей. По мере развертывания разысканий в историко-тюркологической области становится все более очевидным, что при сложившемся положении вещей последнее слово при решении конкретных вопросов исторической эволюции фонетики, лексики и грамматики тюркских языков остается в целом ряде случаев за показаниями диалектов или живых языков.

Принципиальная важность показаний современных тюркских языков и их диалектов в историко-лингвистических исследованиях вытекает из того, что вследствие неравномерности и разной направленности фонетического развития тюркских языков в них, а еще больше — в их диалектах и говорах сохраняются более старые, подчас реликтовые состояния фонетических явлений⁷. Именно по этой причине материалы чувашского и якутского языков давно стали справочными в исследованиях сравнительно-исторического характера. В последние десятилетия к этим языкам присоединился тувинский; этот список может быть значительно пополнен диалектами туркменского и турецкого языков, саларским и лобнорским языками и некоторыми другими.

Таким образом, при всем значении памятников тюркской письменности и внимании к их свидетельству самоочевидна обязательность самого тщательного учета материала всех диалектографических и диалектологических описаний для сравнительно-исторических работ в тюркском языкознании. Более того. Вследствие довольно частого отсутствия необходимых данных в памятниках пратюркскую реконструкцию ряда важнейших фонетических явлений в тюркском языкознании неоднократно приходилось строить на показаниях одних лишь современных языков. Таким способом были восстановлены, например, пратюркские этимологически долгие гласные, которые для автора «Forstudier»⁸ были смелым допущением и лишь в последние годы О. Н. Туна⁹, А. М. Щербак¹⁰ и некоторые другие стремились подкрепить данные современных языков показаниями памятников. Подобных примеров в истории тюркологии немало. Уместно напомнить, что и современное индоевропейское сравнительно-историческое языкознание не отказывается от прямых реконструкций на основании показаний современных языков и их диалектов.

II. ⁶ П. М. М е л и о р а н с к и й, Араб Филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр.

⁷ Там же.

⁸ V. G r ø n b e c h, Forstudier til tyrkisk lydhistorie, København, 1902 (подробное изложение см.: KSz, IV, 1903).

⁹ О. Н. Т у н а, Köktürk yazılı belgelerinde ve Uygurcada uzun vokaller, «Türk Dili araştırmaları yılığı. Belleten», Ankara, 1960.

¹⁰ А. М. Щ е р б а к, указ. соч., стр. 53—54; см. также его более ранние публикации.

Заметим, что сам Г. Дёрфер, на словах решительно возражая против прямых пратюркских реконструкций по данным современных языков, на деле широко пользуется этим способом в своих работах ¹¹. Для таких реконструкций он привлекает в качестве опорного материала наряду с тюркскими также и современный монгольский язык. Последнее вызывает лишь недоумение и вот почему.

Дело в том, что Г. Дёрфер не упускал, кажется, случая, чтобы не заявить о своем несогласии с теорией родства алтайских языков, указывая, что алтайские языки не родственны ¹², что нельзя говорить об алтайской теории, но лишь о гипотезе ¹³. Привлекаемые им монгольские параллели к тюркским формам Г. Дёрфер объявляет тюркизмами, принадлежащими некоему пра- или прототюркскому диалекту ¹⁴. Однако лингвистического обоснования этой своей гипотезы Г. Дёрфер не приводит, довольствуясь лишь априорными соображениями. А в результате при реконструкции многие фонетические архетипы тюркских форм у Дёрфера приобретают явно прамонгольский облик. Например, прототюркская реконструкция общетюркского *biŋ* «тысяча» произведена в виде **biŋan* — с опорой на монг. *miŋan*; прототюркская реконструкция общетюркского *kōk* «голубой» — в виде **k'ō'kā* при монг. *kōke*; **ägä* «гнуть» восстановлено на основании монг. *e'ge* ¹⁵. Аналогичные реконструкции нередки и в «*Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*».

В связи с общими вопросами сравнительно-исторических штудий в тюркских языках, поднятыми в рецензии Г. Дёрфера, необходимо остановиться еще на одном принципиальном моменте, который всегда прини-

¹¹ G. D o e r f e r, *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*, I, Wiesbaden, 1963; II — 1965; III — 1967. См. также: е г о ж е, *Zur Verwandtschaft der altaischen Sprachen*, IF, 71, Hf. 1—2, 1966; е г о ж е, *Homologe und Analoge Verwandtschaft*, IF, 72, Hf. 1—2, 1967; е г о ж е, *Zwei wichtige Probleme der Altaistik*, JSFOu, 69, 4, 1968; Г. Д ё р ф е р, Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики?, ВЯ, 1972, 3; G. D o e r f e r, W. H e s c h e, H. S c h e i n h a r d t, S. T e z s a n, *Khalaj materials*, Bloomington — The Hague, 1971.

¹² G. D o e r f e r, *Türkische und mongolische Elemente*, I, 63.

¹³ Там же. Впрочем, в своих последних работах Г. Дёрфер уже изменил позицию. «Конечно, — пишет он, — доказательства Рамштедта в большинстве своем ошибочны, но его правила по большей части как раз верны (только часто их надо толковать по-иному)» (стлб. 344). Но ведь прежде всего в этих правилах заключено конкретное содержание алтайской теории родства! Еще яснее отход автора от позиции категорического отрицания алтайской теории в его статье, опубликованной в журн. «Вопросы языкознания» (1972, 3): «... теория, которой я придерживаюсь, является как бы синтезом старой гипотезы, гласящей, что алтайские языки родственны, и точки зрения Клоусона, утверждающего, что, когда речь идет о тех общих словах в тюркском и монгольском, которые обозначаются как „алтайские“, следует разуть под ними сравнительно новые ... тюркские заимствования в монгольском» (Г. Д ё р ф е р, указ. соч., стр. 54). И в то же время дальше в девяти пунктах (там же, стр. 60—64) доказывается мысль об «изначальной разобщенности алтайских языков» (стр. 60). Какому же из этих взаимоисключающих утверждений следует верить? К тому же Г. Дёрфер в настоящее время занят тем, что пишет (или: уже написал?) с р а в н и т е л ь н о - и с т о р и ч е с к у ю ф о н е т и к у и м о р ф о л о г и ю алтайских языков (стлб. 332); Г. Д ё р ф е р, указ. соч., стр. 62.

¹⁴ Этот диалект в работах Г. Дёрфера не имеет определенной лингвистической характеристики и именуется то прототюркским («*Türkische und mongolische Elemente*», I, стр. 53), то протобулгарским («*Khalaj materials*», стр. 270). Кроме того, автор называет еще два неких пра- или прототюркских диалекта, в одном из которых сохранился начальный *л-*, в другом — нет («*Türkische und mongolische Elemente ...*», I, стр. 103 и в последующих работах). Положение о пра- или прототюркских тюркизмах в монгольском в одной из последних статей автора заменено признанием «сравнительно новых (датируемых VI в. н. э.) тюркских заимствований в монгольском» (Г. Д ё р ф е р, указ. соч., стр. 54). В последнем же из заявлений Г. Дёрфера об общих тюрко-монгольских словах полностью отменяется все то, что он утверждал до этого: «При ближайшем рассмотрении в алтайских языках нельзя найти ясных критериев для разграничения заимствованных и изначально родственных слов» (Г. Д ё р ф е р, указ. соч., стр. 62).

¹⁵ «*Khalaj materials*», стр. 270, 291.

мается во внимание в советской тюркологии, — на методологическом требовании всестороннего учета всех связей и опосредований при изучении языкового явления как в синхронии, так в диахронии. Составной и неотделимой частью этого методологического требования является максимальная полнота и разносторонность сведений, привлекаемых при изучении языкового явления, не сплошное, а дифференцированное рассмотрение таких сведений.

К примеру, еще в 30-х годах XX в. неоднократно предпринимались разыскания для реконструкции эволюции начального $n > \phi > \chi > 0$ (нуль звука) в алтайских языках¹⁶. К уже известным в науке данным Г. Дёрфером были добавлены лексические основы с начальным χ - из группы халаджских говоров (или диалектов) в Центральном Иране (стлб. 326) — в соответствующих основах из других тюркских языков χ - в анлауте отсутствует. Установив для нескольких семантически одинаковых и фонетически близких слов в халаджском и монгольском языках совпадение начальных χ -, автор по одним лишь этим данным реконструирует прототюркские архетипы этих слов уже с начальным $*n$ - (стлб. 326).

Если разделять позицию автора, то совпадение анлаута в тюркских и монгольских словах ничего не доказывает, поскольку общие слова тюркских и монгольских языков, по мнению автора¹⁷, все равно тюркизмы древнейшего происхождения.

Однако еще существеннее то обстоятельство, что автором оставлен без внимания обширный материал из других тюркских языков — турецких диалектов¹⁸, кумыкского, туркменского и гагаузского, где начальный χ - во многих случаях является вторичным и нередко фигурирует в заимствованиях, не имевших в языке-источнике начального χ -. Приведем лишь часть этого обширного материала. В к у м ы к с к о м: *хайва* «айва», *хайыл* (из арабск.) «ум», *хаймут/хаймрут* (из перс.) «груша», *ханкав* «глухой», *хан* — усилительная частица, *харан* «едва», *харсыз* (из арабск.) «наглец», *хайык* (из арабск.) «влюбленный», *хөкүн* «каяться», *хитин* «порываться», *хыз* «линия; черта»; в т у р к м е н с к о м: *хайла* «быть открытым настежь» (ср. *аң* «зияющий»). *хеззет* (из арабск.) «уважение»,

¹⁶ Из наиболее систематических работ последних десятилетий, в которых наряду с другими освещен и данный вопрос, см.: G. R a m s t e d t, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I — Lautlehre, Helsinki, 1957; N. P o p p e, Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Tl. I — Vergleichende Lautlehre, Wiesbaden, 1960.

¹⁷ Г. Дёрфер в последних работах уже не дифференцирует общие тюрко-монгольские лексические основы на тюркизмы и нетюркизмы. Ссылка на то, что в монгольском языке имеется не более пятидесяти древнейших тюркизмов (стлб. 334), ничем не подкреплена, да и просто не проиллюстрирована. Оказывается таким образом, что все пласты пратюркских заимствований в монгольском представлены всего лишь этими 50 словами.

¹⁸ Приводимые здесь примеры из турецких диалектов извлечены из кн.: «Türkiyede halk ağzından söz derleme dergisi», I—VI, İstanbul, 1939—1957 (далее — DD), страницы указаны арабскими цифрами в тексте. Ниже использованы также следующие сокращения: TS — «XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tanımlarıyla tarama sözlüğü», I—IV, Ankara, 1963—1969; DS — «Türkiyede halk ağzından derleme sözlüğü», I—III, Ankara, 1963—1968; TDAY — «Türk Dili araştırmaları yaylığı. Belleten», Ankara; Houtsma — M. Th. H o u t s m a, Ein türkisch-arabisches Glossar, Leiden, 1894; Zenker — J. T h. Z e n k e r, Dictionnaire turk-arab-persan, I, Leipzig, 1866; Abû H. — A. C a f e r o ğ l u, Abû Hayyân, Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk, İstanbul, 1931; KW — «Codex Cumanicus» по изд.: K. G r o n b e c h, Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus, København, 1942; T (I, II, III...) — «Türkische Turfan-Texte», I — X, Berlin, 1929 — 1959; ДТС — «Древнетюркский словарь», Л., 1969; Чадамба — З. Б. Ч а д а м б а, Толжинский диалект тувинского языка. Канд. диссерт., Кызыл, 1969 (автореф. канд. диссерт., Новосибирск, 1970); ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (составленный тунгусо-маньчжурами алтайского сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, в печати); DSf — Диалектологическая «картотека Турецкого языковедческого общества.

ховлы (заимствование) «двор»; в г а г а у з с к о м : *хайва* «айва», *хадет* (из арабск.) «обычай», *хайгыр* «жеребец», *хамбар* «амбар», *хармут* (из перс.) «груша», *хен* — усилительная частица, *хоруч* (из перс.) «пост»; в т у р е ц к и х д и а л е к т а х — (все примеры из DD II) *hanık*-«быть готовым» (701), *haraç/harıl/arış* «внутренняя сторона ляжек», ср. *arış*-«стоять, широко расставив ноги» (702), *harın* «открытый» (703), *hırkala*-«качать; трясти» (730), *hinci/hincik/hindi* «теперь» (736), *homtu/hommucu* «пугало» (741), ср. *utacı*; *hotak* «летнее пастбище в горах» (747), *hoyek* «яма; впадина» (748), *höğüs* «двухлетний баран» (751), ср. в том же значении *öğes*; *hökün*-«умолять» (751), *höleke* «веретено» (752), ср. *oreke* в крымско-татарском и других языках в том же значении; *hötür*-«иметь понос» (756). Часть относящегося сюда материала привел в своем сообщении о диалекте мендели (Ирак) С. Булуч на I лингвистическом съезде Турецкого языковедческого общества (Türk Dil Kurumu) в Анкаре 27—29 X 1972: *halav* (из перс.) «пламя», *hateş* (из перс.) «огонь», *hormek* «вязать», *hölme* «умирать» и др. Как показывает приведенный материал, при распространенности *h*- (или *x*-) протезы возможны совпадения в разных языках. Но еще больше случаев, где таких совпадений не происходит, и, следовательно, общеалтайское **n*- здесь не восстанавливается.

Начальный *ɣ*- или его коррелят *x*- встречается не только в тюркских языках кавказского, передне-, средне- и центральноазиатского регионов, но и далеко за их пределами¹⁹. Например, в тоджинском диалекте тувинского языка: *хары* «пчела», *хинелик* (ср. в других тюркских языках *игнелик*) «стрекоза», *хөкпе* «легкие», *хөреме* «сливки» и др. (Чадамба 88).

Протетический *ɣ*- или *x*- возник в тюркских языках — по крайней мере в огузских, например, в турецком, — по-видимому, давно, о чем можно судить по таким данным, как старотурецк. *haluç* наряду с *aluç* TS III¹⁸⁹⁶ «алыча» (XVIII — XIX вв.), *havlı* наряду с *avlı* TS III¹⁹⁰³ (вероятно, из греч.) «двор» (XVI в.), *hayva* TS III¹⁹⁰⁷ «айва» (XIV — XV вв.), *höbek*²⁰ TS III¹⁹²⁸ «холм; бугор» (XVI в.), *höl* TS III¹⁹²⁸ «сырость; влажность» (XVII в.).

Начальный *h* в половецком «Кодексе» является скорее всего субституцией анлаутного арабского айна: *haqyl/aqyl* (عَقْلُ) *aklun* «ум; мудрость», KW₁₀₁ (кумыкск. и др. *ɣакыл*), *hazyz* (هَزْزِيز) *aziz* «дорогой» KW₁₀₂.

Ясно, что без учета всех вышеприведенных и аналогичных материалов, без специального изучения природы аспирированного анлаута²¹ в тюркских языках, без дифференциации различных пластов внутри групп слов с начальным *ɣ*- и отдельного их изучения невозможно решить вопрос о преломлении закона Рамстедта — Пеллио в тюркских языках. А это значит, что нельзя решить и другие, связанные с вышесказанным вопросы, как,

¹⁹ Следовательно, отпадает утверждение об ограниченности территории распространения начального *ɣ*- в тюркских словах (стлб. 336).

²⁰ Таким образом, версия о том, что старолитературные языки вытесняли из употребления основы с протетическим начальным *ɣ*- (стлб. 336), в отношении турецкого языка не обоснована.

²¹ Вопрос об аспирированном анлауте тесно связан с другим вопросом — о тех различных типах инкурсии в артикуляции начальных гласных, которые представлены в некоторых тюркских языках. В частности, к этому вопросу имеет отношение такое явление, как гортанная смычка при артикуляции гласных в газантепском диалекте турецкого языка (Ö. A. A k s o y, Gaziantep ağzı, III, İstanbul, 1946), хотя здесь нельзя естественно, исключать влияния сирийских диалектов арабского языка. В этом же аспекте должна, вероятно, рассматриваться и гортанная смычка вместо начального *k*- в касимовском говоре татарского языка (см.: Л. Т. М а х м у т о в а, Особенности касимовского говора татарского языка. Автореф. канд. диссерт., Л., 1952; «Татар теленең диалектологик сүзлегә», Казан, 1969 [далее — ТТДС], и др.). Напомним, что в свое время предположение о гортанной смычке при инкурсии гласных высказал В. Банг, когда им рассматривался вопрос о первичности причастных форм *-an* или *-gan*.

например, вопрос о древнейших тюркских фонетических архетипах с начальным *х*- или вопрос о том, является ли архаичным тюркский язык, если в нем имеются общие тюрко-монгольские слова с указанным аспирированным началом.

Дифференцированный подход к словам с начальным *х*- разного происхождения необходим, по-видимому, и для тунгусо-маньчжурских языков. Возьмем к примеру эвенк. *хуклэ*-, *укла*- ~ *укло*-, *хуглэ*-, *хуглэ*- «лежать; валяться; спать», сол. *у'гла*- «лечь», эвен. *хуклэ*-, *хукла*-, *уклэ*- «спать; ложиться спать», негид. *хублэ*-, *хуглэ*- «спать; лежать; валяться» (ТМС). В перечисленных языках производящая основа глагола *хуклэ*- этимологически не разъясняется. В тюркских же языках она ясна, так как глагол этот — тюркский по происхождению: ср. туркм. *у:кла*-, узб. *ухлэ*-, уйг. *ухли*-, кирг. *укта*- — все из *у:кыла*- ~ *укыла*- ~ *ухыла*- и т. д., где *у:кы* ~ *уы* «сон» < *у*: ~ *у* «сон» + *-кы* (Gabain, стр. 62) или **у:k*- ~ **у:k*- «спать» (ср. турецк. диалектн. *üğ-/üy-DSf* то же) + *-ы*. Таким образом, *хуклэ*- и пр. — тюркское заимствование в тунгусских языках, и начальный *х*-/*х*- в них — вторичный.

При распространенности аспирации начальных гласных в тюркских языках возможны схождения с аналогичными словами в монгольских и даже в тунгусо-маньчжурских языках. Квалифицировать все такие схождения как случайные или, наоборот, как генетические вряд ли правомерно. Случай типа тюрк. *ен* ~ *ин* ~ *им* и т. д. «надрез (на ухе животного), метка (на ухе животного)» и эвенк. *хум* (*им*, *имнэ*) «метка; тамга, клеймо (разрез на ушах животных)» (ТМС), если только здесь нет заимствования, или тюрк. *ас*- «вешать», монг. *аса*- «прилипать; приставать», ороч. *хаси*- «повесить(ся)», орок. *паси*- то же, маньчж. *фаси*- «повисать; повесить(ся)» свидетельствуют о древнейшем фонде алтайских языков.

Необходимо подчеркнуть, однако, что несравненно бóльшая масса тюркских слов с начальным *х*- не имеет соответствий в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Другой пример неполноты использованного материала (а следовательно, и малообоснованности конечных выводов) можно видеть в тех случаях, когда на основании разрозненных транскрипционных записей тюркских слов (в том числе — географических названий) в летописях, хрониках или в старых описаниях путешествий предпринимаются попытки установить периодизацию фонетической эволюции, в частности — эволюции вокалической системы татарского языка. Опираясь на формы татарских слов, представленные в русских летописях XVI в. и в путевых записях путешественников XVIII в., некоторые тюркологи приходят к выводу, что в XVI в. татарский вокализм еще совпадал с общетюркским, а в XVIII в. уже наметился переход к вокализму современного татарского языка (см. табл. 329—330).

Однако все такие записи делались обычно из уст носителей одних татарских диалектов или говоров, в то время как материал других говоров, дающий картину иного состояния татарского вокализма до XVIII в., в летописи не попал. Г. Дёрфер вслед за П. М. Мелиоранским верно замечает, что «нельзя же незарегистрированность формы смешивать с ее реальным существованием» (стлб. 335). Поэтому все записи подобного рода не могут быть признаны достаточно надежным свидетельством хода фонетической эволюции всей системы татарских гласных и периодизации этого процесса.

Классический тюркский вокализм и сегодня еще представлен в татарских диалектах, хотя уже в записях XVIII в. он не отражен. Примеры: *олан* «дитя» (ТТДС 326), *оргу* «размножаться» (327), *ошаулы* «похожий» (330), *уйан* «бодрствующий» (453), *инэш* «закат (солнца)» (146), *при* «суп из кру-

турном языке, часто приводя рядом обе формы — с *-z-* и *-й-*, например, *begenmek* и *beyenmek* «нравиться» (Zenker I₂₀₈), *pişegen* и *pişeyen* «быстро варящийся» (там же, 199), хотя предпочтительной считал, кажется, форму с *-z-*.

На неполных, а в некоторых случаях — отрывочных или единичных данных строится в рецензии Г. Дёрфера целый ряд других утверждений, формулировок, решений и заключений по важнейшим вопросам исторической фонетики тюркских языков. Так, автор реконструирует систему пратюркских гласных, состоящую из кратких, долгих (монофтонгических) гласных без движения тона и долгих [дифтонгических (полифтонгических?)] гласных с движением тона (стлб. 327)²⁴. Такая система гласных, по мнению автора, существует в халаджской группе тюркских говоров. Других тюркских языков с подобной вокалической системой автор не называет. И одних фактов из халаджских говоров оказывается достаточно в его работах для прямой реконструкции пратюркского вокализма по образцу халаджских долгих гласных.

Уместно заметить, что ограниченность и подчас выборочный характер опубликованных до настоящего времени халаджских материалов пока еще не дает возможности составить достаточно полное и объективное представление о долгих гласных в этих говорах.

Во всяком случае, то, что уже имеется в научной литературе, как и прослушивание магнитофонной записи халаджской речи²⁵ с ее иранизированной мелодикой, создает впечатление, что халаджские долгие гласные подверглись сильной иранизации, что в них переплелись персидские долгие с долгими гласными тюркского происхождения. Отметим также, что нечто схожее можно найти в системе гласных огузских говоров хорезмских диалектов узбекского языка по данным Ф. А. Абдуллаева²⁶. К исследованию не привлечен внушительный материал экспериментально-фонетического описания туркменских гласных.

Фонологическую значимость всех трех видов гласных автор в рецензии не рассматривает. Это сделано в «Khalaj materials» (стр. 239), где приводятся фонологические оппозиции, которые строятся, однако, на данных разных языков (халаджских говоров, западных диалектов турецкого языка²⁷ и языка «Дивана» Махмуда Кашгарского)²⁸. При такой методике в стороне остается непеременимое условие фонологических оппозиций, согласно которому фонологические противопоставления — в частности, противопоставления гласных по количественному признаку — действительны лишь в рамках фонологической системы одного языка, одного диалекта. Как невозможна единая фонологическая система всех современных тюркских языков или их ареальных групп (огузской, кыпчакской и т. д.), так невозможна единая фонологическая система халаджских говоров, западнотурецких диалектов и языка «Дивана». Поэтому оппозиции, построенные указанным способом, недействительны и, следовательно, бездоказательны.

Что касается фактической стороны того же вопроса, то можно отметить, что в опубликованных доселе халаджских материалах не приво-

²⁴ См. также: «Khalaj materials», стр. 235; Г. Дёрфер, указ. соч., стр. 57.

²⁵ Г. Дёрфер демонстрировал такую запись на I лингвистическом съезде Турецкого языковедческого общества (Türk Dil Kurumu) 27—29 сентября 1972 г. в Анкаре, на котором довелось побывать автору этих строк.

²⁶ См.: Ф. А. Абдуллаев, Фонетика хорезмских говоров, Ташкент, 1967, стр. 45—49.

²⁷ В качестве источника использована работа: Z. K o r k m a z, Batı Anadolu şizlerinde asli vokal uzunlukları hakkında, TDAY — Belleten, Ankara, 1953.

²⁸ Ср.: Г. Дёрфер, О состоянии исследования халаджской группы языков, ВЯ, 1972, 1, стр. 94.

дились реальные образцы оппозиций: халаджский долгий без движения тона : халаджский долгий с движением тона, или наоборот.

Гипотеза автора о системе пратюркских долгот еще нуждается в основательной проработке, а квалификация халаджских говоров как архаических (автор называет эту группу говоров «новым аргу»²⁹) по признаку имеющихся в них долгот³⁰ преждевременна.

Еще пример. Автор воссоздает переходы пратюрк. $*\ddot{a} >$ чуваш. a и пратюрк $*e >$ чуваш. i на основании всего лишь одной чувашской формы *kil-* «приходить» (стлб. 341). Этот единственный пример автора может быть подвергнут сомнению, так как гласный в указанной основе, например, в турецком представлен по крайней мере двумя типами: типом современного межтюркского *-e-* (в Стамбуле и западных диалектах турецкого языка) приблизительно такого же качества, как в кумыкском, казахском, киргизском и т. д., и более открытого *-e-* (в Анкаре и в Центральной Анатолии вообще). В азербайджанском же рассматриваемый гласный является еще более открытым: *гал-*. Эти данные препятствуют реконструкции пратюркской формы $*kel-$.

Вместе с тем реконструкция пратюрк. $*e >$ чуваш. i не может быть исключена, так как в ее пользу свидетельствует ряд примеров, оставшихся за пределами внимания автора. Однако в не меньшем числе случаев чуваш. i соответствует открытому $\ddot{a}$ других тюркских языков, например: чуваш. *иксёл-* ~ азерб. *эксил-* «убывать», чуваш. *имген-* «надрываться» и *ингек* «беда» ~ азерб. *омэк* «труд», чуваш. *ирёк* «свобода; воля» ~ азерб. *арк*, туркм. *ерк*; чуваш. *ирёл-* ~ азерб. *ари-* «таять», чуваш. *кимёл-* ~ азерб. *кэм*, туркм. *кем* «мало», чуваш. *кипек* «шелуха» ~ азерб. *кәпәк* «отруби», чуваш. *тив-* ~ азерб. *дэй-* «касаться», чуваш. *кимё* ~ туркм. *гә:ми* «судно», чуваш. *тилёр-* «беситься» ~ азерб. *дәли*, туркм. *дә:ли* «безумный», чуваш. *тимёр* ~ азерб. *дәмир* «железо». Даже эти, далеко не полные данные могут свидетельствовать о сложности путей исторического формирования чувашского корневого i , а это делает неприемлемым поспешное и упрощенное решение проблемы.

В другом месте автор пишет, что он не мог найти никаких доказательств тому, что $\ddot{i}$ является диалектным (стлб. 340: автор имеет в виду чередование $a \sim \ddot{u}$). Но это чередование широко представлено в самых разных тюркских диалектах³¹. Соотношение $a \sim \ddot{u}$ составляет всего лишь отдел в чередовании широких и узких. Следовательно, оно подчиняется единой закономерности, обеспечивающей соотносительность широких и узких гласных. При неизученности данного явления естественны, конечно, различные предположения. Однако гипотеза о происхождении a и $\ddot{i}$ из прототюркской фонемы $*\ddot{e}$ ³² у автора ничем не подкреплена.

²⁹ «Khalaj materials», стр. 171—174; G. D o e r f f e r, Das Chaladsch — eine archaische Türkssprache in Zentralpersien, ZDMG, 118, 1, 1968, стр. 107. Из сорока с лишним слов из языка аргу, отмеченных в словаре Махмуда Кашгарского (ДТС 644—648), одно или два слова встретились автору и в халаджских говорах, и это оказалось достаточным, чтобы возводить халаджские говоры к языку аргу.

³⁰ «Das Chaladsch — eine archaische Türkssprache ...», стр. 101 (п. 7).

³¹ См., например: К. Ш а м ы р а д о в, Түркмен дилиниң ёмүт диалектиниң гүлбатар геплешигинде чекимли фонемаларың айратынлыгы, «Труды Института языка и литературы [АН ТуркмССР]», II, 1957, 133—155; Х. Б а г ы е в, Түркмен дилиниң олам диалектинде чекимли сеслер, «[А. М. Горький адындакы Түркмен дөвлет университети] Ылмы язгылар», XXIX, 1964, стр. 17—24; А. Г. В е л и е в, Некоторые фонетические особенности переходных говоров азербайджанского языка, «Вопросы диалектологии тюркских языков», II, Баку, 1960, стр. 112—117; ТТДС, стр. 167, 179, 217, 220, 379, 434, 511, 518, 577, 580 и сл.; по турецкому языку: TS — I¹⁸⁶, 246, III¹⁹⁶⁵, 1979; DSf; DS I⁴⁰⁸, II⁴⁶⁸, 439, 660, 661, 662, 672 и т. д.

³² «Khalaj materials», стр. 276.

Таким образом, ясно, что при современном состоянии изученности важнейших вопросов сравнительно-исторической фонетики тюркских языков и, в частности, систем гласных, согласных и т. д. в конкретных тюркских языках, при ограниченности разработок в области сравнительно-исторической фонетики тюркских языков поспешные и категорические утверждения, формулировки и выводы оказываются преждевременны. Можно поэтому присоединиться к мнению Г. Дёрфера, согласно которому «положение вещей в тюркском языкознании требует дальнейших исследований» (стр. 336).

В советской тюркологии ведутся многочисленные исследования по основным разделам синхронической и диахронической тюркологии. Приходится сожалеть, что из большого фонда уже имеющихся научных разработок многое остается за пределами внимания зарубежных ученых, которые в тюркологических работах, выходящих у нас в стране, по старой традиции порою ищут больше фактический материал (так сказать — сырье), чем научные разработки.

Но это — досадный анахронизм. Чем скорее он будет преодолен, тем эффективнее станет действовать в тюркском языкознании важнейший фактор его дальнейшего прогресса — живой обмен научными идеями и теоретическими концепциями, сопоставление и борьба научных взглядов и представлений; тем глубже будет разработана почва для создания больших фундаментальных трудов по основным вопросам синхронической и исторической тюркологии, без чего невозможно обеспечить переход современной тюркологии на новые научные рубежи.
